

**К ЮБИЛЕЮ «УЧЁНЫХ ЗАПИСОК
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА» (1834–2014)**

УДК 1(091)(470)

**«УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА
КАК ОТРАЖЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ***Ф.Ф. Серебряков***Аннотация**

В статье рассматривается вопрос о том, в каком смысле и до какой степени «Учёные записки Казанского университета» являются индикатором становления казанской университетской философии (если учесть, что значительные работы многих её представителей в дореволюционный период были впервые опубликованы именно здесь). Приводится список трудов профессоров и приват-доцентов кафедры философии Казанского университета. Указывается, что хотя у нас и нет оснований говорить о существовании казанской философской школы, но этот список можно рассматривать как выражение широты научных интересов казанских философов и свидетельство того, что философская мысль в Казанском университете достаточно быстро достигла профессиональной зрелости, поднявшись в своих лучших произведениях до общеевропейского уровня.

Ключевые слова: казанская университетская философия, философская школа, история философии, философская мысль, философия в России, идея.

«Учёные записки Казанского университета» для многих из тех, кого мы сегодня называем творцами казанской университетской философии, были первой трибуной, с которой они могли выступить перед учениками, коллегами, учёным сообществом, когда им было что сказать. Потом у некоторых из них выйдут отдельные издания произведений, впервые увидевших свет на страницах «Записок», иногда даже дополнительные тиражи (порой эти издания будут по учёным меркам успешными и востребованными). Но сознание того, что впервые то или иное сочинение было опубликовано именно в «Учёных записках», наверное, будет греть душу ещё очень долго и у заслуженного профессора, и у новоиспечённого адъюнкта, наполняя сердце каким-то особенным чувством достоинства и значимости. Ибо уже одно только звучание – *университетские «Учёные записки»!* – обладало какой-то (не всегда осознаваемой, «рефлексируемой») магической силой, придавало особую и как бы завершённую и удостоверенную, публично, легитимно подтверждённую научную значимость, состоятельность.

Именно так, вполне возможно, и было тогда, когда ещё *профессор, приват-доцент, адъюнкт* были «штучным изделием», тогдашний «ВАК» не штамповал учёных диссертаций десятками тысяч, а публикации «остепенённых» университетских мужей были весомыми и в большинстве своём отличались новизной. Хотя бы потому, что «научная тематика» в большинстве исследовательских областей для российских учёных (а тем более философов) была если и не terra incognita, то во всяком случае «полем нераспаханным»¹.

Справедливости ради надо сказать, что где, собственно, ещё можно было оперативно публиковаться, к тому же, быть может, думая о приоритете, если не в «Учёных записках»? Это было и проще, и удобнее, чем дожидаться книжного издания. И достоянием научной общественности (на что, конечно, в первую очередь публикация была рассчитана) она становилась быстрее и почти гарантированно. Но наверняка «гриф» опубликовано в «Учёных записках Казанского университета» благоприятствовал дальнейшей книжной судьбе произведения.

Конечно, университетские «Учёные записки» – это не «бортовой журнал» кафедры философии, и по ним невозможно проследить, как постепенно зрела и наливалась цветом казанская «профессорская философия», какие испытания, падения и взлёты вместе, в неотрывной связке с университетом пережила в своей двухсотлетней истории кафедра философии и как «любомудрие», зародившееся в лоне Казанского университета, мужая, набирало силу, чтобы спустя десятилетия после первых шагов, выглядеть вполне прилично, «по-взрослому» в той среде, которую можно назвать российской университетской философией.

Но, обозревая философские публикации на страницах «Учёных записок», знакомясь с напечатанными в них трудами университетских профессоров и приват-доцентов по кафедре философии за 80 с лишним предреволюционных лет их существования (с 1834 г.), мы всё же можем увидеть, как «Учёные записки» отражали, если так можно выразиться, вхождение в известность этих людей: значимые произведения многих из них были впервые опубликованы здесь.

Приведём перечень работ казанских философов за разные периоды истории кафедры философии²:

Архимандрит Гавриил. История философии (1837, 1838, 1839, 1840);

Снегирёв В.А. Психологические сочинения Аристотеля. Пер. с древнегр. (1874, 1875);

Смирнов А.И. О сознании и бессознательных духовных явлениях (1875); Английские моралисты (1876, 1879, 1880); Публичные лекции по философии наук (1896);

Бобров Е.А. О понятии бытия (1897); Из истории критического индивидуализма (1898); О самосознании (1898); Философия в России. Материалы, иссле-

¹ П. Чаадаев писал Шеллингу в 1832 г.: «Вы знаете, в деле философии мы ещё в начале пути» (I, с. 5). А Ф.А. Зеленогорский, профессор Харьковского университета, начинавший свою учёно-педагогическую деятельность в университете Казанском, признавался ещё и в 70-е годы XIX в., что «у нас нет ни в истории, ни в настоящее время представителя в философии и в науке. Правда, у нас теперь делаются усилия самостоятельно работать в науке; обнаруживаются попытки заявиться в учёном мире самостоятельными научными работами и самостоятельными учёными взглядами. Но мы укажем на то характеристическое явление в наших научных опытах, что эти научные опыты не заключают в себе широких научных обобщений и теорий» [1, с. 21].

² В скобках указываются годы публикации в «Учёных записках Казанского университета».

дования, заметки (1898, 1899, 1900, 1901, 1903); Литература и просвещение в России в XIX в. Материалы, исследования, заметки (1899, 1900);

Гуляев А.Д. Этическое учение в «Мыслях» Паскаля (1907); Несколько замечаний о приёмах историко-философского исследования (1909);

Ивановский В.Н. О преподавании педагогики (1904); Учение об ассоциации идей и ассоциационизм (1907, 1908, 1910); К вопросу о генезисе ассоциационизма (1910); Учение об ассоциации идей (1915, 1917);

Маковельский А.О. Мораль Эпиктета (1912);

Ягодинский И.И. Генетический метод в логике (1909);

Васильев Н.А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключённого четвертого (1910).

Бросается в глаза большой разрыв между 1840 годом, когда была опубликована последняя из книг (шестая) архимандрита Гавриила по истории философии (первая в России история русской философии), и 1874/75 годами, когда вышли в свет на страницах «Записок» работы В.А. Снегирёва и А.И. Смирнова. За этот период в учёном печатном органе Казанского университета не появилось ни одной работы преподавателей кафедры философии³.

Впрочем, это вполне объяснимо («Учёные записки» и в этом отношении отражают судьбу кафедры философии и перипетии казанской университетской философии): в 1850 г. кафедра философии Казанского университета, так же как и кафедры философии во всех русских университетах, по «высочайшему повелению» была закрыта. А когда спустя десять лет состоялось вторичное открытие кафедры, то она оставалась вакантной вплоть до 1867 года (когда её занял М.М. Троицкий)⁴. Понятно, что некому было и писать в «Учёные записки». М.М. Троицкий оставался на кафедре недолго, всего два года,⁵ его преемник Ф.А. Зеленогорский большую часть времени пребывания на кафедре провёл за границей, и печататься в «Записках» ему, видимо, было недосуг. И только когда на кафедре стал преподавать В.А. Снегирёв, а потом её занял А.И. Смирнов, наладилась преемственность и стала вновь заполняться долго пустовавшая философская ниша в «Учёных записках», начали появляться труды университетских философов. А насколько продуктивно и интенсивно эта ниша стала заполняться – видно по приведённому выше перечню их трудов.

Было бы, конечно, замечательно в юбилейном номере «Учёных записок», посвящённом значению журнала в становлении университетской науки, проследить, как отразилось на его страницах становление казанской университетской философии, постепенное, шаг за шагом (за 80 рассматриваемых здесь лет), формирование того, что можно было бы назвать «казанской философской школой»⁶ или «направлением», говорящим о преемственности философских идей. Но, как видно из вышеприведённого перечня, это очень разные работы, «проходят» они по разным «философским ведомствам» и между ними вообще-то нет, кажется, ничего общего. Во всяком случае – никакой преемственности,

³ Правда, в 1865 г. была издана отдельно философская работа В. Рожановского «Декарт и его философия».

⁴ Нам ещё «повезло»: кафедра философии Харьковского университета оставалась вакантной до 1874 г.

⁵ Он перешёл в Варшавский, а потом в Московский университет.

⁶ По примеру «московской» в определённый период развития философской мысли в Московском университете.

а поэтому о какой-то «школе» или линии, выстраивая эти работы «в ряд», говорить не приходится.

Что такое философская школа? Есть работы в нашей литературе, специально посвящённые этому вопросу – подробному выявлению признаков философской школы и её становлению (например, замечательная работа Ю.А. Шичалина «История античного платонизма в институциональном аспекте» [2]). Но в данном случае, пожалуй, достаточно будет ограничиться критерием, который в своё время привёл, рассматривая вопрос о философских школах в русских университетах, А. Введенский, религиозный мыслитель, перу которого принадлежат, между прочим, и историко-философские работы. Он писал, что о существовании философской школы свидетельствует наличие традиции, в которой, так сказать, от учителя к ученику «чувствуется веяние какой-нибудь одной, всё подчиняющей себе, могучей идеи» [3, с. 215].

Можем ли мы, имея в виду вышеназванные работы, говорить о «веянии» такой «могучей идеи», объединяющей или пронизывающей их? Нет, хотя, конечно, в истории казанской университетской философии были «связки» *учитель – ученик*. Но, во-первых, они необязательно могли выразиться в идейной преемственности от учителя к ученику, это чаще был простой факт ученичества в университете (что тем не менее, как правило, не могло не вызвать влияния учителя на научные интересы ученика⁷), а во-вторых, даже такое ученичество не нашло отражения на страницах «Записок».

Но если «Учёные записки», как некая хроника событий⁸, не оставили нам свидетельства становления такой преемственности «всё подчиняющей идеи» (поскольку её не было), то в каком качестве они должны быть отмечены в судьбе казанской университетской философии, помимо того, что печатавшиеся здесь работы зачастую были первой серьёзной публикацией авторов?

Очень осторожно и с известными оговорками можно было бы (имея в виду, с одной стороны, работу архимандрита Гавриила, напечатанную в первых выпусках «Учёных записок», а с другой – историко-философские труды Е.А. Боброва, помещённые здесь уже в конце XIX – начале X в.) говорить, что журнал демонстрирует взросление, «возмужание», углубление историко-философского анализа (аналитики), происшедшие за этот период и нашедшие выражение в «исследовательских программах» русских философов. И в этом отношении «Учёные записки» можно было бы рассматривать до некоторой степени как индикатор, отражающий этот процесс.

Но, во-первых, указанное наблюдение относится преимущественно, если иметь в виду архимандрита Гавриила, к последней книге его «Истории философии» – к «Русской философии», которая вообще является у нас первой такого рода «исследовательской программой», не имеющей никакого аналога в предшествующей русской (не скажу философской) просветительской традиции. Да и сам Е.А. Бобров спустя несколько десятилетий сетовал на то, что история русской философии – область новая и, по существу, совершенно не разработанная.

⁷ Так, под влиянием своего учителя Е.А. Боброва увлёкся и в последующем преимущественно занимался Лейбницем И.И. Ягодинский.

⁸ Нужно учесть, что первоначальные публикации важных работ профессоров университета с начала постоянного выпуска «Записок», как правило, осуществлялись именно в них.

Во-вторых, это «возмужание» ведь можно рассматривать и как вполне естественное, ординарное даже, происходящее во времени, с опытом, характерное и для Запада следствие становления, взросления самой мировой историко-философской науки⁹, затронувшее также и Россию, а тем более – как следствие, производное от накопившегося материала, опыта философии, философствования (от Гавриила до Боброва), что, естественно, даёт больший простор для аналитической историко-философской работы¹⁰.

Как видим, рассматривать значение «Учёных записок» как своеобразного отражения (хотя бы и отчасти) становления казанской университетской философии в этом отношении не очень показательно. Хотя, придерживаясь только «наличествующего материала» и игнорируя вышеуказанные оговорки, мы можем сказать: да, в отношении истории философской мысли в нашем университете за восемьдесят предреволюционных лет «Учёные записки» показывают «прогресс» как в области совершенствования, развития историко-философской аналитики, так и в смысле заметно возросшей «метафизичности» философии (имея в виду уже не только работы Е.А. Боброва, но и труды других университетских профессоров, опубликованные в последних выпусках).

Однако, думается, приведённый нами список сочинений профессоров и приват-доцентов Казанского университета, опубликованных в разных выпусках «Учёных записок» в период с 1837 по 1917 г., более показателен в другом отношении. Этот список можно рассматривать как концентрированное и репрезентативное (а главное – сжатое до наглядной выразительности) свидетельство того, как довольно быстро философская мысль в Казанском университете достигла профессиональной зрелости, встав вполне достойно на общероссийский уровень, а позднее и на уровень, который был достаточным, чтобы «не ударить в грязь лицом» и в европейском масштабе. Кроме того, он свидетельствует о широте философских интересов казанских профессоров, о том, что они освоили на высоком уровне, со знанием дела и существующего положения в мировой литературе все важнейшие области философской науки. В этом аспекте мы и будем в дальнейшем касаться некоторых работ из вышеприведённого списка.

Правда, из преподавателей кафедры философии до её закрытия в 1850 г. в данном списке присутствует со своей основной работой только архимандрит Гавриил, но зато поколения преподавателей после вторичного открытия кафедры представлены почти полностью (если учесть сделанные выше оговорки относительно Троицкого и Зеленогорского), причём «заявлены» профессора и приват-доценты пусть не всегда главными, но значительными своими сочинениями. Поэтому сказанное выше о списке как свидетельстве высокого уровня

⁹ Справедливости ради надо сказать, что ко времени появления работы архимандрита Гавриила (1837 г.) на Западе были уже написаны «национальные истории философии», некоторые из них мы сегодня рассматриваем как классические труды и в смысле образцов жанра.

¹⁰ Достаточно сказать, что ко времени появления «Русской философии» архимандрита Гавриила философия в России делала только первые шаги (вспомним слова П. Чаадаева «в деле философии мы ещё в начале пути», сказанные буквально за несколько лет до выхода в свет книги казанского профессора). Характерно, что большая часть имён «философов», которые рассматриваются в «Русской философии», к философии не имеют ровным счётом никакого отношения – дефицит историко-философского материала вынудил архимандрита поместить в свою книгу людей, как-нибудь проявивших себя хотя бы в «истории идей», истории «кумственного развития» общества вообще.

философской мысли в Казанском университете является справедливым. Правда, для такого утверждения следовало бы, вероятно, детально рассмотреть каждое сочинение из приведённого списка, но, не имея такой возможности, мы ограничимся только некоторыми ссылками.

Ещё в 1838 г. один профессор, получивший назначение в Казанский университет, писал Н. Погодину: «Моё желание, разумеется, не было ехать в Казань, столько удалённую от центра нашей учёности и литературы» [4, с. 96]. Его можно было понять. Да и времени прошло немного с тех пор, вспоминая о которых профессор К. Фукс, приехавший в Поволжье из Германии, говорил, что застал здесь «почти дикарей».

И тем не менее почти в это же самое время на страницах печатного органа университета начнёт публиковаться одна из первых в России «историй философии», написанная преподавателем университета, архимандритом, хотя и не являющаяся шедевром, но стоящая вполне на европейском уровне. Она удовлетворяла неизбалованного такого рода литературой русского читателя, давала ему возможность иметь первичное целостное представление об истории мировой философии и была написана на основании всех тогдашних новейших и авторитетных источников (см. (II, с. 41–42)). К тому же шестая (дополнительная) книга «Истории философии» представляла собой вообще первую в России попытку создать историю русской философии.

Об этой последней работе В.Н. Воскресенского (архимандрита Гавриила) есть уже немало публикаций, в том числе и казанских авторов [5, 6], а поэтому сколь-нибудь подробно о ней говорить мы не будем. Скажем только, что В.В. Ванчугов, автор предисловия к современному переизданию книги архимандрита, удачно назвал её «первым опытом истории отечественного любознания» [7, с. 4]¹¹.

А в «Записках» рубежа XIX – XX вв. мы снова видим публикации по истории философии в России – профессора Е.А. Боброва. И хотя его «Философия в России...» не являлась систематическим изложением истории отечественной философии, а представляла собой только самые разнообразные «материалы и заметки» к этой истории, но большей частью содержала уже «исследования» (чего ещё не было в «Русской философии» архимандрита Гавриила), уровень историко-философского анализа в которых (особенно в материалах о Г. Тейхмюллере и А.А. Козлове) был, конечно, совершенно иным (что вполне естественно), мягко говоря, значительно более философичным.

Другие работы профессора Е.А. Боброва, опубликованные в «Записках», в высшей степени компетентно представляют собой целое оригинальное направление в России, к которому он сам принадлежал. Это была философская «школа» в буквальном смысле, даже единственная, по словам А.И. Введенского, в наших университетах вполне отвечающая значению этого слова, которую он называет «направлением Тейхмюллера»¹² [3, с. 215], известным из истории философии в России более как *персонализм* или (по определению А.А. Козлова,

¹¹ Впрочем, справедливости ради надо сказать, что эта мысль в нашей литературе была зафиксирована задолго до работы В.В. Ванчугова, даже, например, в названии одной (правда, не очень глубокомысленной) статьи, вышедшей ещё в 80-е годы XX столетия [8, с. 130].

¹² Е.А. Бобров был его учеником.

профессора Киевского университета, известнейшего в своё время русского философа, представителя этого направления) *панпсихизм*.

Столь же компетентно и достаточно в «Записках» представлено ещё одно университетское философское направление (правда, не очень популярное) – *позитивизм*. К этому направлению относится ряд важнейших работ В.Н. Ивановского, ученика М.М. Троицкого, которого считали (В. Соловьёв, например) философом, впервые познакомившим русскую публику вполне основательно с британским эмпиризмом и британской эмпирической психологией. И хотя «Науку о духе» М.М. Троицкого А.А. Козлов подверг весьма резкой критике, нашедшей сочувствие в русском философском сообществе, направление имело последователей, было представлено рядом интересных исследований, среди авторов которых в ряду деятелей российской университетской философии выделяется В.Н. Ивановский.

В работах А.И. Смирнова («Английские моралисты») и А.Д. Гуляева мы вновь видим обращение к истории философии (западной). В условиях тогдашней скудости философской литературы (в том числе историко-философской), как отечественной, так и переводной, эти работы отличались свежестью и новизной, вполне удовлетворяли потребности русской образованной публики, к тому же находились на весьма высоком уровне, учитывая то обстоятельство, что русские профессора и приват-доценты при написании своих работ, как правило, изначально использовали все известные и новейшие иностранные исследования по проблеме. Так, широко известный московский профессор философии Л.М. Лопатин в своей рецензии на сочинение А.Д. Гуляева «Этическое учение в “Мыслях” Паскаля» (которому и сам автор придавал большое значение) отмечал, что оно должно рассматриваться как «серьёзный вклад в русскую философскую литературу, представляющий интерес не только для специалистов» (III, с. 1).

Наконец, за этот период в «Записках» мы находим две работы по логике (И.И. Ягодинского и Н.А. Васильева), каждая из которых примечательна в известном отношении. Работа И.И. Ягодинского «Генетический метод в логике» отмечалась много лет спустя и в советской специальной литературе в разделах, в которых излагалось «всё ценное, что внесли в логическую науку отечественные учёные» [9, с. 4].

А статья Н.А. Васильева «О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключённого четвёртого» является одной из трёх его работ¹³ (первой по времени в этом ряду), которые и образуют содержание его «воображаемой (неаристотелевой) логики», по словам некоторых современных логиков, «знаменитой логической системы», позволившей называть его одним из создателей неклассической (паранепротиворечивой) логики.

Таким образом, «Учёные записки Казанского университета» в оговорённом выше смысле действительно в сконцентрированной, но тем не менее представительной форме отражают становление казанской университетской философии в дореволюционный период, являются изложенным в конспективной форме

¹³ Две остальные были опубликованы не в «Учёных записках», а в «Журнале Министерства народного просвещения» (1912) и в «Логосе» (1913).

своего рода «отчётным документом» о том, чем стала казанская университетская философия за это время.

Summary

F.F. Serebryakov. Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta (Proceedings of Kazan University) as a Reflection of Formation of Kazan University Philosophy in the Pre-Revolutionary Period.

The article deals with the question of whether, in what sense and to which extent the journal *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta* is an indicator of formation of Kazan university philosophy, allowing for the fact that it was in this periodical where some significant works of its many representatives in the pre-revolutionary period were first published. A list of works by the professors and privat-docents of the Kazan University Philosophy Department is presented. Though there are no grounds to speak about the existence of Kazan philosophical school, the list may be regarded as an expression of the breadth of Kazan philosophers' scientific interests, and as an evidence that philosophical thought at Kazan University reached professional maturity rather quickly and rose to the European level in the best works.

Keywords: Kazan university philosophy, philosophical school of thought, history of philosophy, philosophical thought, philosophy in Russia, idea.

Источники

- I – *Бобров Е.А.* Шеллинг и Чаадаев // Бобров Е.А. Философия в России. Материалы, исследования и заметки. Вып. IV. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1901. – С. 1–17.
- II – *Гавриил, архим. (Воскресенский В.Н.)* История философии. Ч. I. – Казань: Унив. тип., 1839. – 175 с.
- III – *Гуляев А.Д.* Несколько замечаний о приёмах историко-философских исследований. – Казань: Типо-лит. Казан. ун-та, 1909. – 19 с.

Литература

1. *Зеленогорский Ф.А.* О методах исследования и доказательства. – М.: РОССПЭН, 1998. – 319 с.
2. *Шичалин Ю.А.* История античного платонизма в институциональном аспекте. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2000. – 439 с.
3. *Введенский А.И.* Один из типов нашей университетской философии (о переводах и сочинениях и. д. доцента Юрьевского университета Е.А. Боброва) // Богословский вестник. – 1896. – № 8. – С. 212–228.
4. *Корбут М.К.* Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/5–1929/30): в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930. – Т. 1. – 209 с.
5. *Медянцева М.П., Никитина Т.И.* Из истории философской мысли Казанского университета. Духовное наследие В.Н. Воскресенского // Учён. зап. Казан. ун-та. – 1999. – Т. 137. – С. 223–235.
6. *Серебряков Ф.Ф.* Философия и религия, или Архимандрит Гавриил // Наука и религия в глобализирующемся мире. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – С. 152–161.
7. *Ванчугов В.В.* Первый опыт истории отечественного любомудрия: архимандрит Гавриил и его «русская философия» // Архимандрит Гавриил (В.Н. Воскресенский). История философии: в 6 ч. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – Ч. 6: Русская философия. – С. 4–20.

8. *Журавлёва Л.А.* Первый учебник по истории русской философии // Методология и методика преподавания истории философии. – Свердловск: УрГУ, 1982. – С. 130–138.
9. *Кондаков Н.И.* Введение в логику. – М.: Наука, 1967. – 465 с.

Поступила в редакцию
21.11.13

Серебряков Фаниль Фагимович – кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: fanserebr@yandex.ru